

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
annnilova@yandex.ru

ГОМЕРОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»*

Вопрос о месте стихотворения Лермонтова «Бородино» среди поэтических произведений, посвященных Отечественной войне 1812 года, неоднократно становился предметом исследований, однако проблема развития в этом стихотворении гомеровских традиций даже не ставилась. Лермонтов отходит от канонов ближайших по времени батальных описаний. Изменяя текст от раннего «Поля Бородина» к более позднему «Бородину», поэт вводит измененную цитату из «Илиады», а также использует гомеровские приемы строения батального эпизода, описание его «изнутри», понимание смысла происходящего, противопоставления поколений по принципу принадлежности к великому историческому событию. Отказываясь, в отличие от ближайшей традиции, от прямого и декларированного сопоставления Бородинской битвы с великими сражениями прошлого, поэту тем не менее удается вписать ее в их число исключительно при помощи художественных средств; стремясь к максимальной достоверности, он мифологизирует ее. Внешне отказываясь от продолжения кажущейся устаревшей традиции, Лермонтов находит новые пути для ее развития.

Ключевые слова: Лермонтов, Гомер, «Бородино», «Илиада», образ, композиция

В статье 1914 года «Лермонтов и античность» ее автор А. Я. Краков указывает на «почти полное отсутствие античных образов, мотивов» [5: 792] в творчестве Лермонтова. Однако материал статьи противоречит ее автору: А. Я. Краков отмечает около сорока случаев обращения Лермонтова к античному материалу, выбирая при этом лишь очевидные, продекларированные самим поэтом примеры использования греко-римской тематики. Менее очевидные варианты развития античной топики в лермонтовском творчестве, органическое вплетение классических сюжетов, мотивов и образов в ткань произведений русского автора исследователем даже не рассматриваются. Тем не менее эта точка зрения настолько прочно закрепилась в лермонтоведении, что почти 70 лет спустя к ней возвращается А. И. Журавлева, называя Лермонтова «первым крупным русским поэтом, в чьем творчестве почти полностью исчезла античность – и не только как обще-европейский арсенал поэтической образности, но и как культурная традиция, на которую привычно ориентировалось европейское искусство в течение нескольких столетий» [4: 481]. Только в последние годы стали появляться работы, посвященные исследованию развития античного наследия в творчестве русского поэта. Цель нашей работы – отметить неуказанное ранее влияние поэмы Гомера «Илиада» на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Перевод «Илиады» Гнедича, полностью опубликованный в 1829 году (отдельные его фрагменты издавались и раньше), стал одним из ярчайших культурных событий первой четверти

XIX века, еще в процессе своего создания он вызывал живейший интерес и оказался в центре нескольких литературных дискуссий. Кроме Гнедича в это время к тексту Гомера так или иначе обращались А. С. Шишков, Н. Ф. Кошанский, В. В. Капнист, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский и др. В 1824 году А. Ф. Мерзляков, будущий учитель Лермонтова на дому и в университете, перевел гекзаметром начало VII песни «Илиады» – описание единоборства Гектора и Аякса. О том, что Лермонтов был знаком именно с гнедичевым переводом «Илиады», свидетельствует цитата из поэмы в стихотворении «Валерик» и пародирование стиля этого перевода в эпиграмме «Се Маккавней-водопийца...» [6].

К теме Бородинской битвы Лермонтов возвращался дважды: в 1830–1831 и 1837 годах. В более позднем стихотворении он изменяет поэтическую форму, увеличивает объем, вводит обращение к рассказчику – «дяде», изменяет стиль произведения. В результате получается сдержанный, очень правдивый и искренний рассказ об одном из важнейших исторических событий от лица его участника. Ко времени Лермонтова в русской литературе уже сложилась традиция батального описания в произведениях на военную тематику. Еще Л. Пумпянский отметил, что и в допушкинской баталистике, и у Пушкина «война есть выражение деятельности государства» [7: 419], поэтому описание битвы ведется с точки зрения «командного пункта». Подчеркнуто, что именно Пушкин вводит в героический эпос любовную, то есть частную, линию [2: 171–191], однако еще Гомер показывал грандиозные события истории

через личные человеческие отношения (частный конфликт Ахилла и Агамемнона в «Илиаде») и череду личных человеческих трагедий.

То, как Лермонтов трансформирует традиционную структуру батальной сцены, уже подробно описано [7: 420–421], мы отметим сходство организации отдельных военных эпизодов у Гомера и Лермонтова. «Илиада» рассказывает не о всех девяти годах Троянской войны, а только о пятидесяти днях последнего, десятого, года. Тем не менее это тоже значительный временной отрезок, внутри которого свершилось много событий и произошла не одна битва, несколько сражений начинались и с наступлением темноты заканчивались, чтобы утром начаться вновь. Так, например, в переведенной Мерзляковым VII песне описываются начало очередной битвы, ее апогей, главным событием которого становится поединок Гектора и Аякса, затем завершение битвы, погребение погибших и ночная трапеза. Сходную организацию повествования о каждом из дней сражения мы находим и у Лермонтова: начало первой битвы (*Забил заряд я в пушку туго*), ее ход (*Два дня мы были в перестрелке*), завершение с наступлением ночи (*И вот на поле грозной сечи Ночная пала тень*), ночной отдых (*Прилег вздремнуть я у лафета*), после этого следует более подробное описание второй битвы: начало сражения (*И только небо засветилось, // Все шумно вдруг зашевелилось*), сама битва, ее завершение с наступлением сумерек, подсчет погибших товарищей. Характеризуя структурную симметрию «Илиады», Р. В. Гордезиани отмечает, что для поэмы в целом характерна круговая замкнутая композиция, отдельные же ее эпизоды организованы по принципу параллельного повторения [3: 38], причем каждый следующий из параллельных фрагментов более эмоционален, чем предыдущий, что создает постоянное драматическое напряжение текста. Подобное параллельное повторение мы находим и в лермонтовском стихотворении, где первое сражение описано предельно кратко и даже несколько снисходительно, основное же внимание уделяется второму эпизоду, который решил исход сражения. Не давая подробных развернутых картин, лишь намечая, как в карандашном наброске, наиболее яркие моменты, Лермонтов создает очень динамичную и впечатляющую картину боя. *Сквозь дым летучий // Французы двинулись, как тучи, // И все на наш редут* – необыкновенно точная психологическая деталь, характеризующая восприятие участника страшного сражения, тем более удивительная, что сам поэт к этому времени еще не имеет боевого опыта. Здесь же используется и измененная цитата из Гнедичева перевода XI песни «Илиады». Обращаясь к Гектору, троянец Кебрион говорит: «Смесились и кони и вои» (XI: 525). «Смешались в кучу кони, люди», – вспоминает дядя-рассказчик.

У Гомера мы видим постоянное смещение точки зрения с вершины Олимпа, откуда боги наблюдают за происходящим, в центр битвы: поэт дает описание как сражений целиком, так и мельчайших деталей доспехов воинов, их движений, мимики, а также разговоров героев во время поединков. Хорошо известно, что Гомер, не зная психологизма в современном понимании, индивидуализировал своих героев, используя для этого в том числе и особенности их речи, каждый из гомеровских персонажей отличается собственным стилем и манерой разговора. Сходное внимание к изображению речи персонажа мы наблюдаем и у Лермонтова: изменение текста от «Поля Бородина» к «Бородину» (поэт практически полностью его меняет, отказываясь от излишней эмоциональности и романтической условности, оставляя только наиболее удачные и точные фразы) – это прежде всего изменение речи рассказчика. Само же изменение точки зрения, смещения восприятия событий с «командного пункта» предшествующей батальной традиции в центр этих самых событий изменяет и мотивировку всего происходящего. Если традиционное героическое описание, включая пушкинскую «Полтаву» и «Путешествие в Арзрум», воспринимало справедливую победу как закономерный результат совпадения воли полководца с волей Творца, то дядя Лермонтова, не знающий стратегических и тактических замыслов командования, дает простое и в высшей степени правдивое объяснение случившегося: «*Не будь на то Господня воля // Не отдали б Москвы*». По воле богов началась и закончилась Троянская война, по воле богов начались и закончились события «Илиады» и «Одиссеи», «на все воля Божья», – говорится в русской пословице, и в полном соответствии с этой пословицей воспринимает события и участник Бородинской битвы, упоминанием Господней воли начиная и заканчивая свой рассказ.

Обращение к дяде, вводящее не только образ рассказчика, но и его слушателя, то есть противопоставляющее два поколения, появляется в стихотворении 1837 года. В. Г. Белинский увидел в этом противопоставлении жалобу «на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» [1: 238]. Однако, как кажется, дело здесь не только и не столько в этом, ведь не только о поединках, ранениях и смертях рассказывает Гомер. Дядю и его слушателя, как и героев греческого поэта и слушателей его поэм, разделяет принадлежность к великой битве, слава о которой сохраняется в веках и потомках. Персонажи Гомера – герои не в литературоведческом, а в мифологическом смысле – сильнее и могущественнее простых смертных, не случайно Гесиод выделит их в отдельное поколение и поместит между поколениям

медным и своим, железным. «*Богатыри – не вы*», – говорит об участниках Бородинской битвы Лермонтов, помещая их в один ряд с героями греческого эпоса. Это стремление встроить описываемое событие в ряд великих побед прошлого вообще характерно для батальной литературы. Так, Херасков в «Чесмесском бою» сравнивает Орлова с великими полководцами древности, а само сражение – с величайшими античными битвами; воспоминания о великой славе россов, обращения к наследникам скифов и варягов красной нитью проходят через стихи, посвященные войне 1812 года, с Петром I и Суворовым срав-

нивает А. Ф. Воейков Александра I, Лермонтов сам в «Поле Бородина» вспоминает про Чесму, Рымник и Полтаву, однако в «Бородине» отказывается от этого сопоставления, и тут возникает специфически лермонтовский парадокс: не упоминая о великих сражениях далекого и близкого прошлого, поэт тем не менее встраивает описываемое событие в их число исключительно его пониманием и восприятием, давая слово реальному участнику битвы, мифологизирует ее. Внешне отказываясь от продолжения кажущейся устаревшей традиции, он находит новые пути для ее развития.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 327 с.
2. Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней: в 2 т. М.: Художественная литература, 1979. 511 с.
3. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. 394 с.
4. Журавлева А. И. Лермонтов и русская литература 19 века // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 481–485.
5. Краков А. Я. Лермонтов и античность // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 792–815.
6. Нилова А. Ю. Гомеровские традиции в лирике М. Ю. Лермонтова // Проблемы анализа художественного текста: К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 52–54.
7. Пумпянский Л. Стиховая речь Лермонтова. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 389–424.

Nilova A. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HOMER'S TRADITIONS IN LERMONTOV'S POEM "BORODINO"

The issue of the place of Lermontov's "Borodino" poem among the poetic works devoted to the War of 1812 has frequently been the subject of research but the problem of Homeric tradition development in this poem has not even been posed. Lermontov diverges from the principles indicative for battle descriptions at his time. He transforms the text from the early "Borodino Field" to the later "Borodino" and introduces a modified quote from the "Iliad", used Homeric techniques of a battle scene construction, a description of its "inside", understanding the meaning of what was happening, opposes the generations on the principle of belonging to the great historical event. The poet discards a direct comparison of the Borodino battle with the great battles of the past, but enters it in their numbers only by using artistic means, he seeks to maximize the vividness of the battle, and mythologises it. Outwardly discarding the seemingly outdated tradition, Lermontov finds new ways for its development.

Key words: Lermontov, Homer, "Borodino", "Iliad", image, composition

REFERENCES

1. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 t]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Vol. 3. 327 p.
2. Blagoy D. D. *Ot Kantemira do nashikh dnei: V 2 t.* [From Cantemir to the present day: in 2 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979. 511 p.
3. Gordeziani R. V. *Problemy gomerovskogo epasa* [Problems of the Homeric epics]. Tbilisi, Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1978. 394 p.
4. Zhuravleva A. I. Lermontov and Russian literature of the 19th century [Lermontov i russkaya literatura 19 veka]. *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1981. P. 481–485.
5. Krakov A. Ya. Lermontov and Antiquity [Lermontov i antichnost']. *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva v chest' prof. V. P. Buzeskula*. Harkov, 1914. P. 792–815.
6. Nilova A. Yu. Homeric tradition in the Lermontov's lyrics [Gomerovskie traditsii v lirike M. Yu. Lermontova]. *Problemy analiza khudozhestvennogo teksta: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya M. Yu. Lermontova*. Petrozavodsk, Isd-vo Petrozavodskogo un-ta, 2014. P. 52–54.
7. Pumpyanskiy L. *Stikhovaya rech' Lermontova* [Poetic speech of Lermontov]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1941. Book I. P. 389–424.

Поступила в редакцию 06.06.2016